

Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии

Социальная коммуникация трактуется ниже как обмен действиями порождения и интерпретации текстов, т. е. как текстовая деятельность, в ходе которой выясняется, способны или не способны люди понимать друг друга. Этот подход назван мною *лингвосоциопсихологическим* (шире — *семиосоциопсихологическим*). Он позволяет исследовать социальную коммуникацию, с одной стороны в качестве универсального социокультурного «механизма», ориентированного на обеспечение взаимодействия социальных субъектов (а соответственно, на воспроизводство и динамику социокультурных норм и образцов такого взаимодействия), а с другой — как интенциональную и целеобусловленную деятельность, осуществляемую людьми в контексте проблемных жизненных ситуаций, лежащих у истоков любых социально значимых процессов.

Текстуальный, или семиосоциопсихологический, подход к изучению коммуникации в значительной мере отличается от подхода, доминирующего пока в психолингвистических исследованиях. Семиосоциопсихология исходит из того, что для анализа коммуникативных процессов категорий «речь» и «дискурс» недостаточно, тем более, если тому и другому уподобляется категория «текст». Последнюю целесообразно рассматривать как минимум в *двух* системах координат: *лингвистической* (фонема - морфема - лексема, или слово,- словосочетание - предложение - сверхфразовое единство - текст как речь или дискурс) и *коммуникационной* (слово — элементарный знак - высказывание - содержательно-смысловой блок - текст как сложный знак наиболее высокого порядка, или иерархия коммуникативно-познавательных программ).

Во втором случае основное внимание фокусируется не столько на том, «о чем?», «что?» и «как?» говорится в тексте, сколько на том, «почему?» и «ради чего?» этот текст порождается, т. е. в чем состоит *коммуникативное намерение* его создателя, каким образом он это намерение объективирует и сколь адекватно интенция интерпретируется партнерами по коммуникации. Такой подход открывает возможности для диагностики состояния и регулирования качества взаимодействий людей друг с другом.

Информатизация ведет к возрастанию роли человеческого интеллекта в эволюции не только культурной и технологической цивилизации, но и живой природы. В итоге человек, его сознание, психика, сам механизм их включения в эволюционный процесс выдвигаются в центр общенаучной картины развивающегося мира. В этой картине нет места искусственным междисциплинарным барьерам. Залог ее многомерной целостности — в находящем все большее число сторонников учении о целостности Вселенной и сознания, о механизмах перехода одних состояний сознания в другие, и в частности от не проявленного сознания к его проявленному в предметах состоянию. Отсюда и проблема межкультурной коммуникации, и особое место переводчика как участника и посредника в этом процессе.

Дридзе Тамара Моисеевна — доктор психологических наук, профессор социологии, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Теория социальной коммуникации как текстовой деятельности, или семиосоциопсихология, исследует один из ключевых социокультурных механизмов включения сознания не только в воспроизводство социальности как таковой, но и в воспроизводство и эволюцию Вселенной. Социально-интегративная функция коммуникации состоит в ориентации на социальное партнерство, диалог и тем самым на воспроизводство социальности, а значит, на формирование «коммуникативных сетей», т. е. того «вещества» социальности, в котором возникают, воспроизводятся, взаимодействуют и развиваются разнообразные субъекты социокультурного действия.

Люди вынуждены принимать решения, и их активность направлена на поиск средств, необходимых для выхода из проблемных жизненных ситуаций. Такие ситуации не совпадают ни с объективными условиями нашей жизни, ни с нашим самочувствием в тот или иной момент. Это динамические антропокультурные образования, интегрирующие так называемые объективные свойства среды с их индивидуальной интерпретацией личностью, «стечения» значимых для человека событий и обстоятельств его жизни, преломленные в его собственном сознании и требующие от него определенных действий. В поисках выхода из таких ситуаций люди используют все доступные им средства, в том числе и коммуникативные. Вот почему порождение текста в коммуникации, как правило, не самоцель, а результат стремления решить проблему.

Любая социально значимая деятельность индивидуальна. Она «субъектна» по своей природе и, значит, ситуационна и интенциональна, а потому мотивирована, целеобусловлена и имеет собственный механизм зарождения и реализации. Однако именно этот «механизм» остается, как правило, «за кадром» научных изысканий.

Одна из причин этого кроется в сложившейся традиции лингвистического (в лучшем случае психолингвистического) редукционизма, присущего весьма распространенной трактовке знакового общения как речевой деятельности. Между тем знаковый характер социокультурной коммуникации отнюдь не означает возможность ее сведения к обмену речью. Тем более, что знаки, в том числе и словесные, не только «замещают» реальные объекты, но и *задают программу* деятельности и поведения своим истолкователям. Иными словами, знаки не просто ментальны. Они коммуникативны по своей природе и функции. Через разные сочетания знаков задаются алгоритмы «коммуникативных игр». «Играя» элементарными знаками, вводя их в те или иные связи (а смысловая информация кроется именно в этих связях) и преобразуя сообразно замыслу общения накопленное знание, люди формируют знаки более высокого порядка.

Включая разные по сложности знаки в многоступенчатые информативные связи, способствующие осуществлению определенной, пусть не всегда четко представляемой и формулируемой, но все же намеченной цели общения, человек порождает мотивированное и в силу этого обстоятельства *целостное* содержательно-смысловое образование как культурный объект и единицу общения. Здесь запечатлеваются «образ» коммуникативно-познавательных намерений автора, а значит, и программа по их осмыслению. Эта иерархическая коммуникативная единица, при порождении которой кристаллизуется внутренняя потребность субъекта в реализации того или иного коммуникативно-познавательного намерения, и является собственно текстом-сообщением, возникающим как равнодействующая по меньшей мере трех сил (факторов): 1) *проблемной жизненной ситуации субъекта* (стечения значимых для индивида жизненных обстоятельств, воспринимаемого им в виде «проблемного синдрома», требующего разрешения с помощью тех или иных средств)¹; 2) его *намерений* (мотива как внутреннего побуждения в сочетании с искомым результатом спонтанного или отреф-

¹ Такие ситуации, или «проблемные синдромы», нередко вызывают внутреннюю напряженность, активизируя поиск решений, актуализируемый в коммуникативно-познавательных и материально-практических действиях, причем первые могут предшествовать, сопутствовать и (или) следовать вторым, а могут совершаться и в полном или временном отрыве от них.

лексированного проявления активности); 3) *избранной им «технологии»*, т. е. набора приемов воплощения своего коммуникативно-познавательного замысла (использование номинаций и способов их введения в информативную систему связей).

Конструирование и интерпретация текстов-сообщений в социокультурной коммуникации — текстовая деятельность — не сводимы к речевому поведению, к использованию тех или иных языковых средств в линейно (последовательно, синтагматически) организованном речевом потоке, «отрезки» которого являются «текстами» лишь в чисто лингвистическом смысле слова. Трактовка текста как коммуникативно-познавательной единицы, а текстовой деятельности как механизма социокультурной коммуникации содержит идею опредмечивания в актах знакового общения *специфической потребности социальных субъектов в диалоге и партнерстве*, а значит, наличия нравственной установки и навыков идентификации (самоотождествления) с проблемной жизненной ситуацией других субъектов. Лишь на базе такой идентификации возможен *смысловой контакт*, когда благодаря адекватному истолкованию коммуникативных замыслов при обмене действиями порождения и интерпретации текстов-сообщений возникает «эффект диалога».

«Эффект диалога» как смыслового контакта, основанного на способности и стремлении субъектов к адекватному истолкованию коммуникативных намерений партнеров по общению, является ключевым для семиосоциопсихологической концепции социально-коммуникативного процесса. Поэтому наряду с понятием «коммуникация» в ней используются понятия «псевдокоммуникация» (попытка диалога, не увенчавшаяся адекватными интерпретациями коммуникативных интенций) и «квазикоммуникация» (т. е. ритуальное «действие», подменяющее общение и не предполагающее диалога по исходному условию). В ходе общения людей, относящихся к разным «группам сознания» (т. е. группам условным, невидимым, но реально существующим в силу общности тех или иных ценностных ориентации, установок, ожиданий, ментальности и т. п.), выявляются различия в интерпретациях, «разнотения», в крайних своих формах препятствующие не только контактам и взаимодействию людей, но и формированию социокультурных пространств, способных служить «питательной средой» для зарождения, поддержания, воспроизводства и развития цивилизованных форм существования общественных организмов.

Сказанное требует специального внимания к существенному различию по меньшей мере двух теорий, в той или иной мере определяющих сегодня способ изучения знаковой коммуникации: лингвистической и психолингвистической, с одной стороны, и лингво- и семиосоциопсихологической — с другой.

В первом случае познание и коммуникация трактуются в канонах теории речевой деятельности², где по исходному условию мысль дискретна и «слита» с речью. Познавательный процесс равен речемыслительному, акты общения равны речевым актам, а текст (он же речь) рассматривается как продукт речевой деятельности, состоящий из «атомарных» речемыслительных элементов. Во втором случае акцентируются внутренняя целенаправленность, интенциональность и цельность процессуально-идеационной организации знакового общения как текстовой деятельности. Текст же рассматривается не как речезыковая, а как коммуникативно-познавательная единица, т. е. изначально обращенное к партнеру, опредмеченное ментальное образование, «цементированное» коммуникативным замыслом, составляющим его смысловое ядро³.

Механизм знакового общения предстает перед семиосоциопсихологом в виде «сцепления» действий порождения и интерпретации текстов как системно

² Соответствующий комментарий с краткой историей вопроса см. [11].

³ Речь и (или) дискурс «поточны». Речь развертывается линейно (синтагматически). Дискурс же являет собой ситуационно обусловленный («извивающийся», как ручей, в изгибающемся русле) поток речи. Текст же как единица коммуникации нелинеен, иерархичен и весьма жестко организован «вокруг» авторских намерений.

организованных коммуникативно-познавательных единиц. Само же знаковое общение рассматривается как ключевой механизм взаимодействия социальных субъектов, позволяющий им, общаясь и обмениваясь интенциональной материально-практической деятельностью и ее результатами, поддерживать и воспроизводить социальность как таковую.

Различие между двумя вышеуказанными подходами (парадигмами) вытекает как из специфической экспериментальной стратегии («решающих экспериментов», по Т. Куну), так и из всей совокупности взаимосвязанных аналитических категорий, образующих их концептуальный аппарат. В рамках семиосоциопсихологии даже некоторые, кажущиеся на первый взгляд традиционными, термины и понятия наполняются иным содержанием и вводятся в новые отношения друг с другом [1]. Отсюда и специфика подхода к анализу содержательно-смысловой сущности коммуникации как механизма взаимопонимания и диалога. Отсюда и иная, чем это принято в дисциплинах традиционно-лингвистического ряда, оценка места и роли речи-языка в коммуникативно-познавательных процессах. Акценты здесь переносятся с *инструмента* социокультурного общения на *состояние и активность сознания живых его участников*.

Обобщая вышеизложенное, можно следующим образом коротко охарактеризовать специфику семиосоциопсихологической теории коммуникации. Семиосоциопсихология (уже — лингвосоциопсихология) — новое комплексное направление социально-психологических исследований, акцентирующее внимание на знаковом общении как обмене текстуально организованной смысловой информацией. Возникнув на основе синтеза знаний о социальной коммуникации, накопленных в языкознании, психологии, социологии, культурологии и социальной семиотике, семиосоциопсихология изучает *место и роль текстов-сообщений как коммуникативно-познавательных единиц в мотивированном и целенаправленном (интенциональном) обмене идеями, представлениями и эмоциями, установками и ценностными ориентациями, образцами поведения и деятельности в процессе социокультурной коммуникации*.

Предметом эмпирических исследований в рамках семиосоциопсихологии становится мотивированный и целеобусловленный обмен действиями порождения и интерпретации текстов — *текстовая деятельность* — как практически не прерывающийся социально-психологический процесс, запечатлевающий в себе содержание и структуру названных действий. Этот процесс универсален. Он не зависит от того, носителем какого конкретного языка является человек. Тексты порождаются и интерпретируются в коммуникации по общечеловеческим законам. Поэтому семиосоциопсихологическая теория коммуникации служит интеграции культур и человеческих сообществ.

Текстовая деятельность все более кристаллизуется в самостоятельный вид деятельности с завершенной психологической структурой. Независимо от того, идет ли речь о порождении или интерпретации текстуально организованной смысловой информации, этот вид деятельности социальных субъектов включает в себя все основные фазы предметного действия: ориентировочную, исполнительную и контрольно-коррекционную. При этом текстовая деятельность мотивируется не только извне (т. е. соотносится не только с мотивами материально-практического характера), но и «изнутри» самой этой деятельности — коммуникативно-познавательными намерениями общающихся субъектов. Указанные коммуникативные намерения и составляют «предмет потребности», который может быть идентифицирован как «собственно коммуникативно-познавательный» (принадлежащий собственно общению). Предметная форма воплощения реализуемых в тексте как единице общения коммуникативно-познавательных мотивов и целей, способствуя завершенности психологической структуры текстовой деятельности, вместе с тем обуславливает их ситуационный «отрыв» в пространстве-времени от актуальных целей материально-практической деятельности. Соответственно, реализация содержа-

тельных задач и целей текстовой деятельности не совмещается непосредственно с достижением их материально-практического результата.

Таким образом, мы выходим на определение текста как целостной коммуникативной единицы, как сложного знака. Текст в качестве единицы знакового общения (социокультурной коммуникации) представляет собой особым образом организованную *содержательно-смысловую целостность и может быть определен как система коммуникативно-познавательных элементов, функционально объединенных в единую замкнутую иерархическую содержательно-смысловую структуру (иерархию коммуникативно-познавательных программ) общей концепцией или замыслом (коммуникативным намерением) партнеров по общению.*

Эффективность текстовой деятельности в структуре знакового общения (а значит, и социального взаимодействия людей) обуславливается не только особенностями самой этой деятельности, но и семиосоциопсихологическими характеристиками партнеров по общению. К таковым можно отнести *уровень их коммуникативно-познавательных умений и перцептивной готовности*, наличие определенных навыков (в том числе атенционных) и нравственных установок к адекватному преобразованию текстуально организованной смысловой информации. Выступая как условный группообразующий социально-психологический признак, соответствующая интегральная характеристика, определяемая как уровень семиосоциопсихологической подготовки, существенным образом влияет на меру адекватности интерпретации авторской концепции, замысла общения, а значит, на возможность диалога как смыслового контакта.

Итоги проведенных и проводимых в настоящее время экспериментов с применением разработанного в семиосоциопсихологии мотивационно-целевого (информативно-целевого), или интенционального⁴, анализа текстов как единиц общения (а не языка!) обнаруживают весьма широкую распространенность ситуаций «смысловых ножиц». В самом общем виде они могут быть описаны как ситуации возникновения смыслового «вакуума», вызванного несовпадением смысловых «фокусов» текстовой деятельности партнеров в ходе знакового общения. Подобные «разночтения», например, в ходе выработки и принятия управленческих решений любого рода приводят к крайне негативным социально значимым последствиям.

Резюмируем вышесказанное: в центре внимания семиосоциопсихологии находятся коммуникативные системы типа «текст-интерпретатор», где авторы текстов и их интерпретаторы непрерывно меняются ролями. Соответственно, в рамках этой дисциплины вырабатываются приемы изучения, с одной стороны, интерпретационных (информативно-прагматических) свойств текстов, а с другой — существенных для ведения диалога интеллектуально-мыслительных особенностей личностного сознания (менталитета) партнеров по общению. В этой связи возник новый концептуальный арсенал, отвечающий выстроенной междисциплинарной аналитической парадигме и позволяющий двигаться к постижению проблем коммуникации не от механизмов, форм и структуры речи (речевой деятельности), а от содержания и механизмов идеационно-творческой (сенсорно-интуитивной и интеллектуально-мыслительной) активности человека как особого «состояния сознания», актуализируемого и воспроизводимого в социокультурной среде с помощью (и благодаря) коммуникации.

Этой парадигме отвечает уже приведенная выше трактовка знакового общения (коммуникации) как:

— ключевого *механизма* социального взаимодействия людей, обнаруживающего себя на всех уровнях социокультурной организации общества;

— коммуникативно-познавательного *процесса*, формируемого «сцеплением» действий порождения и интерпретации текстов;

⁴«Интенция» трактуется здесь как «равнодействующая» мотива и цели деятельности, общения и взаимодействия людей.

— коммуникативно-познавательской *деятельности*, которая либо сопутствует материально-практической деятельности (тогда она обладает по меньшей мере двойной мотивацией), либо оказывается самостоятельной деятельностью (с собственным мотивом, продуктом и результатом);

— *смыслового контакта*, достигаемого при основанном на взаимной ситуационной идентификации партнеров по общению совпадении «смысловых фокусов» порождаемого и интерпретируемого текста, в свою очередь обуславливающего эффект «моносубъектности» как «платформу» для взаимопонимания диалога.

Такая трактовка знакового общения (коммуникации), а соответственно, и межличностного диалога как смыслового контакта существенно отличается от теоретико-информационного (и надо сказать, весьма распространенного в лингвистике) представления о контакте в ставшей традиционной схеме коммуникации «источник — канал — приемник». Здесь отправитель (коммуникатор) и получатель (адресат) потока символов остаются, по исходному условию, на противоположных полюсах информационного канала.

Семиосоциопсихологическая парадигма открывает возможность построения как частных концептуальных моделей процессов знакового общения, протекающих в рамках коммуникативной системы «текст-интерпретатор», так и более общих эвристических моделей социально-психологических процессов, связанных с коммуникативно-познавательной деятельностью личностей и групп, организаций и социальных институтов. Эти процессы в существенной своей части совпадают с процессами производства и развития культуры, содержательно реализуемыми именно в текстовой (а не речевой!) деятельности. Семиосоциопсихологические модели эксплицируют возможные перспективы и направления дальнейших исследований знакового общения, выявляя пока еще малоизученные механизмы опосредования текстовой деятельностью социальных субъектов объективной социальной детерминации и становления феноменов общественного сознания.

Известно, что человек не только познает, но и творит окружающий его мир благодаря присутствию ему интеллекту, воле и активности, овеществляемым в инструментах (орудиях), технологиях и продуктах социально значимой деятельности. Интеллектуально-мыслительная и сенсорно-интуитивная активность людей актуализируется по меньшей мере в *двух* ключевых видах социально значимой деятельности: *материально-практической* и *коммуникативно-познавательной*. И если без первой немисливо воспроизводство жизненно важных «вещественных» ресурсов, то без второй не воспроизводились и не передавались бы знания, ценности и нормы, не транслировались бы из поколения в поколение образцы поведения, деятельности, общения и взаимодействия людей друг с другом. Без коммуникативно-познавательной деятельности не возникли бы, наконец, ни культура, ни социальность как таковые.

Анализируя социальную коммуникацию как деятельность и механизм идентификации и взаимодействия людей, семиосоциопсихолог сможет внести свой вклад не только в теорию социальной коммуникации, но и в практику прогнозирования и регулирования социокультурных процессов. Семиосоциопсихологические исследования несут в себе также потенциал преодоления концептуальных рамок известных в социальной психологии концепций символического интеракционизма и каузальной атрибуции⁵.

⁵ Смысл первой из этих концепций упрощенно состоит в том, что человек реагирует на знаки и символы, не задумываясь над тем, что стоит за ними. Это считается естественным, так как значения приписываются знакам и символам людьми, а значит, они условны и произвольны. Вместе с тем, как бы очерчивая «языковые круги», охватывающие те или иные социокультурные сообщества, знаки и символы порабащают людей, живущих, таким образом, в выдуманном ими мире, среди ими же и надуманных, а не истинных проблем. Что же касается второй из названных концепций, то она впадает в другую крайность, утверждая, что каждый человек наделяет других людей мотивами, а предметы — свойствами, присутствиями его собственной натуре и его собственному видению, всегда сообразуясь с личными установками, ценностными ориентациями, интересами и т. п. Следовательно, нет и не может быть общей истины: она у каждого своя.

Отдавая дань этим, отнюдь не бесосновательным концепциям, фиксирующим существенный пласт регуляторов социального поведения, нельзя, однако, не отметить особую опасность замещения сущностных факторов коммуникации средствами, ее обслуживающими, или факторами, ей сопутствующими. Очевидно, что некритическая приверженность знакам и символам в ущерб истине (скажем, в ходе экспертирования программ и проектов, реализация которых повлияет на состояние жизненной среды и качество жизни людей) попросту неприемлема в эпоху экологических и социальных катастроф. Тем более что времени для словесных и политико-символических «игр» у человечества, вынужденного заботиться о собственном выживании, не так уж и много.

Здесь целесообразно отметить важность различения таких форм человеческой активности, как *поведение* и *деятельность*⁶. Речевые умения и навыки, т. е. автоматизмы, от «качественности» которых зависит, быть ли адекватному и эффективному общению людей в любых ситуациях, как раз и формируются в процессе интенционального (т. е. мотивированного и целенаправленного) обмена действиями порождения и интерпретации текстов как целостных иерархически организованных коммуникативно-познавательных единиц.

Изучение текстовой деятельности и речевого поведения под таким углом зрения открывает перед исследователем новые перспективы. Так, появляются возможности для постановки экспериментов по выявлению и изучению осознанных и малоосознанных коммуникативных действий и речевых актов, а также стоящих за ними психофизиологических и социально-психологических факторов. Благодаря семиосоциопсихологическому подходу открываются перспективы для сбора полезной информации о механизмах взаимодействия отдельных людей и целых сообществ, о путях их рациональной или, напротив, иррациональной организации и мотивах сплочения, о путях формирования мнений как индивидуальных и групповых, так и общественного, о механизмах социализации людей и о становлении тех или иных нормативно-ценностных ориентаций.

Требуют специальных исследований вопросы генезиса и становления условных семиосоциопсихологических групп, т. е. групп людей, сходным образом интерпретирующих текстуально организованную информацию, а также особенности личностного сознания и ситуационные факторы, определяющие их место в социокультурном пространстве-времени. Особый интерес в этом смысле представляли бы многоступенчатые исследования интерпретаций, полученных на выборах текстов, репрезентирующих разнообразные сферы материально-практической, культурно-информационной и идеолого-политической деятельности.

Анализ интерпретаций не только оригинальных источников, но и материалов, в которых разнообразные социальные субъекты такие источники интерпретируют, позволил бы изучить повторяющиеся способы преобразования содержательно-смысловой структуры текстов в процессе коммуникативно-познавательной деятельности, выявить степень контекстуальной обусловленности таких преобразований. Интересно также установить закономерность последних применительно к тем или иным локальным или конкретно-историческим ситуациям.

В этой связи целесообразно отметить, что фундаментальная и одновременно прикладная проблема социальной коммуникации практически не поднимается в научных дискуссиях по управлению в нашей стране. Соответствующая проблематика недооценивается и в социологической научной литературе. Между тем очевидно, в частности, что в силу своей социально-психологической природы процесс выработки, принятия и тем более реализации управленческих решений

---

⁶ В качестве существенных признаков такого различия можно выделить уровень мотивации и соответствующую ему меру осознания человеком мотива. Отличительной особенностью «поведения» в этом случае оказываются его спонтанность и стереотипность при отсутствии стремления (а часто и необходимости) к осознанию мотивов тех или иных поведенческих актов. В то время как «деятельность» — осознанно мотивированная активность.

на всем пути его развертывания несет на себе отпечаток не только менталитета его участников, актуализируемого в мотивационной структуре и направленности коммуникативно-познавательных процессов в обществе. В этом процессе находит отражение и вполне конкретное состояние текстовой деятельности, составляющей механизм социальной коммуникации и в значительной мере обуславливающей качественную сторону предполагаемого обмена материально-практической деятельностью и ее результатами. «Стоимость» возможных издержек от «интерпретационных смещений» здесь трудно переоценить.

Одно из основных эмпирически доказанных положений семиосоциопсихологии об универсальности интенциональных (мотивационно-целевых) принципов функционирования социальной коммуникации как текстовой деятельности, а также об индивидуальной природе последней делает разработанные в русле этой концепции методы анализа коммуникативно-познавательного процесса (и текста как единицы коммуникации) [2—4] равно применимыми как к изучению, так и к оценке состояния любых ее звеньев. Межличностная обыденная, педагогическая, деловая, профессиональная, научная, массовая и иная коммуникация; общение людей, опосредованное любыми видами художественно-артистического и(или) литературного творчества; коммуникация между людьми в сфере правоотношений и в ходе выработки и принятия управленческих решений на всех уровнях социокультурной организации общества — эти и другие виды коммуникации осуществляются путем обмена действиями порождения и интерпретации цельных, психологически завершенных, иерархически организованных содержательно-смысловых структур (текстов), имеющих интенциональную (мотивационно-целевую) доминанту.

Вне адекватной интерпретации этой доминанты нет и не может быть диалога как «смыслового контакта». Согласие-несогласие участников диалога с мотивами, доминирующими в тексте партнера, вторично по отношению к главному — умению и готовности адекватно их интерпретировать. Это, в свою очередь, требует от человека определенной атенционной способности («способности внимать»), позволяющей ему в ходе общения идентифицироваться с проблемной жизненной ситуацией партнера, почему-то и зачем-то порождающего именно такой, а не какой-либо иной текст.

Адекватная коммуникация — нелегкий интуитивный и интеллектуальный труд. Однако социокультурный выигрыш, полученный в итоге, стоит затраченных усилий. Вот почему крайне целесообразна социализационная практика семиосоциопсихологических тренингов, направленных на развитие коммуникативной компетенции людей. И начинать такой тренинг надо с раннего детства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
2. Дридзе Т. М. Организация и методы лингвopsихосоциологического исследования массовой коммуникации. Методич. пособие-практикум по спецкурсу «Введение в лингвосоциопсихологию». М., 1979.
3. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М., 1980.
4. Дридзе Т. М. Информативно-целевой анализ содержания текстовых источников // Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн. 2. М., 1990.

© Т. Дридзе, 1996